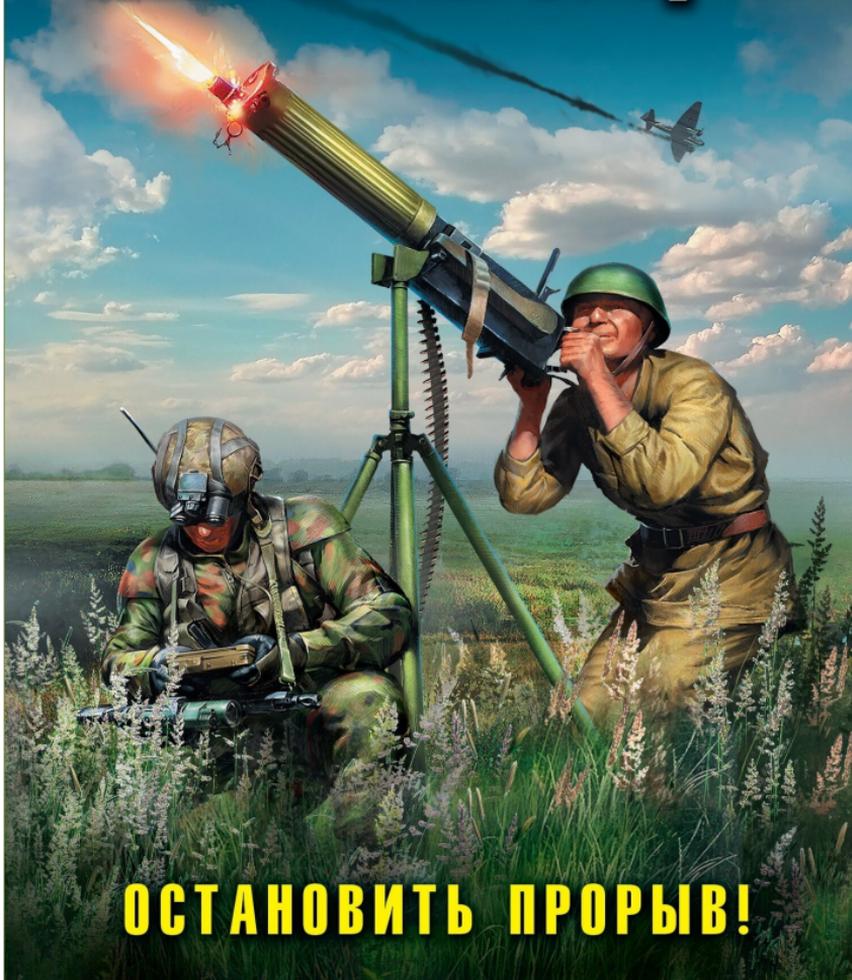

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ФАНТАСТИКА

Георгий КРОЛ

КОРРЕКТИРОВЩИК

ОСТАНОВИТЬ ПРОРЫВ!

Георгий Крол
Корректировщик.
Остановить прорыв!
Серия «Военно-
историческая фантастика»
Серия «Корректировщик», книга 2

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51263727
Корректировщик. Остановить прорыв!:
ISBN 978-5-04-109196-5*

Аннотация

Продолжение романа «Корректировщик. Блицкрига не будет!».

Егор Доценко, угодив в прошлое за год до войны, успел сделать для повышения обороноспособности СССР так много, что история пошла иным путем, разгром Красной Армии летом 1941-го предотвращен. Но даже его вмешательства не хватило, чтобы кардинально переломить ход войны – Вермахт все-таки наступает...

Но гвардии полковник ВДВ Доценко неожиданно получает подмогу: из альтернативного будущего, где не было осады Ленинграда и битвы под Москвой, а война закончилась в 1943

году, проваливается молодой офицер, вчерашний выпускник военного училища. Ему предстоит сдать суровый экзамен на звание командира РККА, с горсткой бойцов встать на пути немецкого прорыва, окончательно повернуть махину истории в другую колею.

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	22
Глава 3	34
Глава 4	43
Глава 5	58
Глава 6	76
Конец ознакомительного фрагмента.	79

Георгий Крол
Корректировщик.
Остановить прорыв!

© Крол Г., 2020

© ООО «Издательство «Яуза», 2020

© ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Глава 1

«...На участок, занимаемый теперь уже его взводом, младший лейтенант прибыл на рассвете. Добирался он сюда всю ночь: из дивизии в полк, из полка в батальон, из батальона в роту. Спал урывками, что его, худого, с покатыми плечами, не сильно красило. Командир роты, лет тридцати, крепкий, но уже седеющий капитан, увидев его, только дёрнул щекой.

– Что окончили, лейтенант?

– Московское пехотное училище, – ротный слегка оживился, – ускоренный выпуск.

– Ясно.

Капитан убедился, что чуда не произошло, и потерял к новому взводному интерес. Его можно было понять: он воевал с июня 41-го и таких молоденьких лейтенантов, у которых жизни на один бой, перевидал немало. Только за последний месяц он менял уже пятого, что там говорить о тяжёлых оборонительных боях 41-го и 42-го годов! А потому отослал нового командира в его расположение, принимать участок обороны и знакомиться с подчинёнными. Ротный даже не предполагал, как рад этому сам лейтенантик, как он боялся вопросов и расспросов.

Теперь новый командир стоял перед строем из пятнадцати человек, которые, плюс двое оставшихся в наблюдении, и

составляли его взвод. Взаимное изучение длилось несколько минут. И младший лейтенант был рад, когда пришедший с ним замполит заговорил первым. Правда, начав представлять взводного, комиссар вдруг понял, что не знает его имени и фамилии. Забыл спросить. Так что прозвучало это так.

– Товарищи бойцы, это ваш новый командир, младший лейтенант... э-э-э, прошу, как говорится, любить и жаловать. Товарищ младший лейтенант, принимайте командование.

– Есть, товарищ старший лейтенант.

И замполит ушёл. А игра в гляделки продолжилась. И видел тут каждый своё. Лейтенант видел обтёртых, обстрелянных солдат, в выгоревших, вылинявших гимнастёрках, некоторых с медалями, нескольких с орденами и почти всех с нашивками за ранения. И все они были старше, чем он. Некоторые могли бы быть братьями, некоторые дядьками, а двое вполнегодились в отцы. Зрелые люди, прошедшие огонь и воду, съевшие пуд соли и пролившие бочку солдатского пота. Все похожие друг на друга и все разные.

Вот сержант. Лет сорока пяти, кряжистый, с желтеющими от самокруток усами и тяжёлыми мозолистыми руками пахаря. Форма на нём выгоревшая почти добела, но чистая и опрятная, насколько позволяет окопная жизнь. А рядом парень лет двадцати пяти – тридцати. Франтоватый, форму носит со всеми возможными нарушениями. Зато шик! На пальцах татуировки, возможно, бывший зэк, но на груди медаль «За отвагу», красная нашивка за лёгкое и золотистая за

тяжёлое ранения.

Насторожённые глаза человека, не привыкшего доверять людям, но эта насторожённость прикрывается бесшабашностью с привкусом наглости. И так далее. Высокие и не очень, рыжие, черноволосые и стриженные наголо. В пилотках, надетых по всей форме, сбитых на затылок, натянутых до ушей или сдвинутых набекрень. Разные люди, с которыми ему предстоит идти в бой. Точнее, которых он поведёт в бой.

А бойцы в это время видели перед собой худого, узкоплечего, с пушком на щеках и только начавшими пробиваться усами мальчишку. Отросшие за три месяца офицерских курсов волосы зачёсаны назад, новенькая пилотка на два пальца от бровей, необмятые погоны топорщатся стрекозиными крыльями на новенькой же гимнастёрке. Тёмные глаза на худом лице кажутся ещё больше. Что хорошо – лейтенантик не пытается корчить из себя бывалого вояку. Выглядит это всегда смешно, а заканчивается иногда страшно. Вон в последнем бою такой вот желторотый, но самоуверенный, как петух, поднял взвод в атаку раньше времени – выпендриться захотел. Положил всех и сам погиб. Но этот таким не выглядит. Ладно, поживём – увидим.

– Заместитель командира взвода. – Ранее замеченный лейтенантом сержант чуть качнулся вперёд. – Сержант Цыбулько.

– Оставайтесь, остальным вернуться на свои позиции.

Младший лейтенант встал и сразу сел обратно. Теперь он

понял, почему всё это время и он, и его бойцы сидели на корточках на дне траншеи. Она была по пояс. Может, чуть глубже, но ненамного. Он посмотрел на сержанта, и тот правильно понял его взгляд.

– Мы ж, почитай, месяц как наступаем, товарищ младший лейтенант. Встанем, день, ну два постоим – и опять вперёд. Сами видели, пополнения нет, людей осталось всего ничего, так зачем силы тратить?

– Товарищ сержант, я даю вам три часа, чтобы траншея была отрыта как положено. По дороге сюда я видел пилома-териалы. Укрепите стенки траншеи. Приступайте.

– Но, товарищ младший лейтенант...

– Отставить, сержант, выполняйте.

Слово «отставить» лейтенант произнёс слишком низко, поэтому поспешил поднять тон и закончил приказ, дав «пехуха».

Сержант угрюмо козырнул и, согнувшись, пошёл вдоль траншеи. А лейтенант направился в землянку, которая оказалась такой же мелкой, как и вся траншея. Однако какой-никакой топчан там нашёлся, и он лёг, вытянув наконец гудящие ноги. Страшно хотелось спать, но личный состав в праведном гневе не давал такой возможности.

То и дело кто-нибудь обращался с вопросом или «активно» работал у входа в землянку, а потом сержант подчёркнуто уставным языком попросил выйти и дать бойцам выполнить задание. Никто из них даже на секунду не подумал, что

их командир уже неделю не спал больше двух часов подряд. И что это очень тяжело. Особенно в семнадцать лет. А командиру было именно семнадцать – дату в документах подправил старый школьный друг. Единственный на всём свете близкий человек, который теперь далеко, на другом фронте.

Взвод хотя и невлюбил нового командира, но приказ выполнил. И не через три, но через три с половиной часа сержант доложил о выполнении. Младший лейтенант пошёл по траншее. Теперь всё было в порядке, можно было идти, не сгибаясь в три погибели. Стенки были укреплены столбами, досками или плетёными матами. Огневые позиции оборудованы. Углубили даже ход сообщения, правда, не было видно, до конца или до поворота.

– Отлично, товарищи бойцы, надеюсь, в следующий раз мне не придётся напоминать о выполнении элементарных уставных требований. Можете быть свободны.

Больше всего на свете ему хотелось лечь. Пусть не лечь, хотя бы сесть, прислониться спиной к стенке окопа и закрыть глаза. Но нельзя. Окончательно уверятся, что он маменькин сыночек, потеряют уважение. Потом попробуй восстанови репутацию. Поэтому он снова вызвал сержанта и стал выяснять, кто и что собой представляет в его новой семье. Заодно оценивать боевые возможности взвода.

Всё было обычно. Два автомата: его и сержанта. Одно противотанковое ружьё. Станковый и ручной пулемёты. У остальных винтовки. Нормально. Боеприпасов хватает, есть

противотанковые гранаты и даже пара бутылок с «коктейлем Молотова». Бог его знает, откуда они взялись, но пусть будут. Немного послушал о солдатах. Парень с татуировками, кстати, действительно сидел. Был в штрафной, после ранения воевал в разведке, опять ранение, на этот раз тяжёлое, и сейчас он здесь.

Потом в окопы принесли обед, и лейтенант отправил сержанта «заправляться». Его ординарец, он же телефонист, отправился за обедом для себя и командира. Не было его довольно долго, а когда он вернулся, лейтенант понял, что его сильно не любят. Обычно в период затишья командиру наливали первому. А сейчас в его котелке были остатки, да и их была половина нормы. Было два варианта: наказать всех скопом или съесть, что досталось, спустив дело на тормозах. Младший лейтенант выбрал третий. Приказал вновь собрать взвод и вышел из землянки с котелком в руке. Его ждали. Некоторые хмуро, некоторые глядя с ехидцей, а бывший штрафник, которого все звали Костя, открыто насмехался.

– Товарищи бойцы. Некоторым из вас, наверное, кажется, что это, – он приподнял котелок, – должно показать мне ваше отношение к моим приказам. Вы все опытные люди, прошли через многое. У меня такого опыта нет, и я заменяю его чужим, усвоенным в училище. А мой командир говорил, что большие трагедии всегда начинаются с маленьких недоработок. Недочищенное оружие отказывает в разгар боя, приводя к гибели людей. Неглубокая траншея становится могилой

для лентяя и его друзей, если враг бросил в атаку танки.

Судя по лицам, кое-кто думает: а что он запоёт, когда вот это, – лейтенант приподнял котелок, – повторится ещё и ещё раз? Чтобы не было недопонимания... Кто из вас знает, как пахнет хлеб из отрубей, поджаренный на касторовом масле? Какой вкус у каши, сваренной из оборванных со стены обоев? Я знаю! Отец, мать, две мои сестрёнки, братик и я, мы жили в Ленинграде. И зимой 41-го оставались там же. Кроме отца, он погиб под Лугой. Их рота оказалась на пути фашистской танковой дивизии. Те несколько человек, кто остался в живых, рассказывали, что наспех вырытые неглубокие окопы стали для большинства братской могилой.

Строй молчал. Сержант нарушил затянувшееся молчание:

– А где сейчас ваша семья, товарищ младший лейтенант?

– Мать, младшие сестра и брат на Пискарёвке, в братской могиле. А старшая, Олечка... Когда меня выносили из квартиры, она оставалась лежать там, в постели.

– Живая?

– Она умерла за день до того. У меня не было сил встать или хотя бы отодвинуться. Я даже не мог закрыть ей глаза, и весь этот день смотрел в них.

– Товарищ младший лейтенант, вам сколько лет?

– Се...

Лейтенант вскинул голову. Глаза у него блестели, но слёз в них не было. Слёз не было уже давно, с того самого дня, о котором он сейчас вспоминал.

– Восемнадцать!

Строй вздохнул. Они жалели этого мальчишку, который видел столько горя и боли. Они жалели себя, потому что попали под команду этого подранка. Они жалели своих живых и погибших детей, родителей, родных и друзей. Они жалели свою жизнь. И были готовы отдать её, чтобы этого больше никто и никогда не испытал.

– Вольно, разойдись.

Все разошлись по позициям, думая о своём и почти машинально, подсознательно вспоминая слова командира, проверяя оружие и наводя порядок в имуществе.

Так прошло ещё часа два, а потом немецкая сторона взорвалась артподготовкой. Лейтенант выскочил из землянки. Земля ходила ходуном, всё вокруг заволакивало пылью и дымом. Кто-то дёрнул его вниз, и сержант прокричал в ухо:

– Не высовывайтесь, товарищ младший лейтенант. Пока так грохочет – фриц в атаку не пойдёт. Точно вам говорю. Да и Костя посматривает, даст знать.

Лейтенант кивнул и, чтобы скрыть волнение, начал поправлять второпях надетую каску. Справа грохнуло, на головы ему и сержанту посыпалась земля: снаряд угодил прямо в окоп. Будь взвод полного состава, сейчас появились бы убитые. Из землянки выскочил ординарец-телефонист.

– Товарищ командир, комбат передаёт: на нас пойдёт главный удар, приказывает держаться.

– Передай комбату, приказ понял.

Телефонист нырнул обратно в землянку, а в следующую минуту она взлетела на воздух. Лейтенант упал ничком, на него сверху навалился сержант. Вокруг падали обломки брёвен, какие-то обрывки, комья земли. В ушах словно набилась вата. Он попытался выбраться из-под своего живого щита, сглотнул, пробивая пробку, и повернул голову. В нескольких сантиметрах от его лица лежала оторванная чуть выше локтя рука, всё ещё сжимавшая совершенно целую телефонную трубку с обрывком провода. Картинка врезалась в сознание, лейтенант замер, и из оцепенения его вывел крик Кости:

– Танки!

Сержант мигом оказался где-то левее, он уже отдавал команды. Лейтенант бросился к своей огневой позиции. Впереди пылили танки. Немного, он видел семь. Тяжёлые серые коробки с крестами. Вот один из них остановился и плюнул огнём. За спиной встала дыбом земля. Пушкари чего-то замешкались, и первыми в борьбу с танками вступили расчёты противотанковых ружей. Слева хлопнул выстрел, ещё один – и головной танк закрутился на месте. Следующий выстрел, и замер ещё один танк. Наконец вступила в дело артиллерия. Один за другим вспыхнули оба уже подбитых танка, следом взорвался ещё один. Но уже накатывалась пехота противника. Фрицы шли редкой цепью, щедро поливая всё впереди себя свинцом.

– Пулемётчикам отсечь пехоту, остальным приготовить гранаты.

Ещё один танк замер в нескольких десятках метров от окопов, от него, становясь всё гуще и чернее, пошёл дым. Откинулся верхний люк, но никто так и не вылез. Остальные три бронированные туши подползали всё ближе. Справа боец приподнялся над окопом и швырнул связку гранат под гусеницу. Раздался взрыв, танк остановился. Солдат повернулся к друзьям, потрясая кулаками, и тут коротко тренькнул пулемёт. Парень удивлённо, даже как-то обиженно, оглянулся и медленно завалился назад. А оставшиеся два танка ворвались на позицию.

Один переполз через траншею и двинулся дальше, а второй попытался крутнуться над ней. Он провернулся дважды, а на третий раз кусок бревна заклинил гусеницу. Танк взревел мотором, потом ещё, и наконец, внутри поняли, что попали. Но ещё не сдались. Снизу открылся люк, и на дно траншеи упала граната. Под танк метнулся сержант, схватил гранату и выкинул за бруствер. Грохнул взрыв, люк снова приоткрылся, и сержант тут же сунул внутрь «лимонку» и бросился в сторону. Внутри танка глухо ухнуло. Больше никто признаков жизни не подавал.

Справедливо рассудив, что оставшимся танком займутся артиллеристы, лейтенант переключил внимание на пехоту. Немцы были уже в сотне метров.

– Взвод, огонь! – крикнул лейтенант, и сам прильнул к автомату. Он вёл огонь чётко и спокойно, как на стрельбище. В прицеле ломались и падали чёрные фигуры. Он отводил

душу. За отца, за мать, за сестрёнок и братишку. За мёртвые глаза Оленьки и за синее обнажённое тело матери, которое он заворачивал в простыню, чтобы везти на Пискарёвку. Время от времени он оглядывался вокруг. Взвод держался. Атака немцев выдыхалась. Их цепь залегла и начинала понемногу отползать назад.

– Ну чё, мужик, будем жить, а?

Лейтенант оглянулся. Кричали не ему. Кричал Костя, обращаясь к бойцу с ручным пулемётом. Тот, не отрываясь, поднял левую руку, показывая большой палец, – и тут грохнул взрыв и пулемётчика будто расплескало по траншее. Осколочный снаряд ударил прямо в него. Сзади, буквально в десяти метрах, стоял немецкий танк. Тот самый, прорвавшийся.

Дико закричал Костя. А потом, с «бутылками Молотова» в руках, выпрыгнул из окопа. Размахнулся. Видимо, в бутылку попала пуля, потому что Костя вдруг вспыхнул как факел и, крича, упал на землю. А потом он замолк. И встал. Горящий человек, сжимая в руке вторую бутылку, шёл на танк. Он больше не кричал, из сжатых сгоревших губ рвалось рычание. И случилось то, чего больше никто и никогда не видел. Многотонная стальная машина отступила, поползла назад перед человеком.

Поползла очень неудачно, провалившись левой гусеницей в ход сообщения. Танк завалился набок и замер. А горящий Костя продолжал слепо идти вперёд. Распахнулись люки, и

немецкие танкисты, одетые в чёрную форму, начали прыгать на землю. Только одному, который вылез через люк в правой стороне башни, не повезло. Он упал прямо в объятия Кости. Вряд ли Костя толком понимал, что происходит, однако он крепко ухватил фрица и продолжил путь.

Следующим шагом он упёрся в броню и ударил по ней бутылкой с «коктейлем Молотова». Большая часть вспыхнувшего содержимого плеснулась через боковой люк внутрь танка, а Костя, в последнем усилии цепляясь за немца, замер. Фашист выл. Больно гореть самому, поджигать других намного проще. Судя по чёрной форме, танковая дивизия принадлежала СС, большим спецам в этой области. Остальные танкисты на четвереньках отползли от пылающего танка и сейчас скорчились на земле, в ступоре от ужаса.

Лейтенант вместе с ещё каким-то бойцом стащили их в траншею, разоружили и связали чем придётся. А немецкая пехота, воспользовавшись неразберихой, снова пошла вперёд и уже набегала на траншею. Началась рукопашная. Все вокруг стреляли, били, рвали друг друга. Кто-то навалился на лейтенанта сзади. Он, не удержавшись, упал на колени, и фриц перелетел через него. Не успел немец перевернуться, как лейтенант всадил в него очередь из автомата.

Тут его самого отшвырнули в сторону, и он увидел сержанта, вгоняющего четырёхгранный штык в горло фашисту, который секунду назад был готов рубануть лейтенанта тесаком. Над головой сержанта вырос немец с автоматом в руках,

и лейтенант срезал его очередь. Сержант оглянулся, кивнул и бросился дальше. Сколько это продолжалось, младший лейтенант не знал. Когда со стороны нашего тыла донеслось «Ура!» и немцы, кто ещё мог двигаться, бросились наутёк, он просто сел на дно окопа. Сидел, привалившись к стенке, и смотрел, как солдаты в чистой пока форме перескакивают через траншею и бегут вперёд, в атаку.

По уставу он должен был сейчас встать, скомандовать: «Взвод, в атаку, за мной!» – но сил не было. Снова навалилось утреннее желание вытянуться и закрыть глаза. Лейтенант заставил себя встать и пройти по окопам, отыскивая своих бойцов. Их осталось десять, включая его самого. Они собрались возле бывшей землянки и начали перевязывать друг друга. Ранены были все. Только сейчас младший лейтенант понял, что у него прострелено плечо, а голова гудит из-за пули или осколка, вскользь пробороздившего голову выше правого виска. Когда он снял сбившуюся набок, покорёженную каску, оказалось, что это точно пуля. Она каталась внутри. За этим занятием их и нашли командир роты и комбат с замполитом. Первым начальство заметил, разумеется, сержант.

– Взвод, смирно!

– Вольно, бойцы, вольно.

Командиры спрыгнули в окоп, огляделись, глазами сосчитали людей.

– Это все?

Младший лейтенант встал.

– Так точно, товарищ майор. Разрешите доложить. Взвод выполнил поставленную задачу. В составе взвода осталось десять человек. Восемь бойцов пали смертью храбрых в бою за Союз Советских Социалистических Республик. Командир взвода, младший лейтенант...

Сказалась усталость последних недель, всё накопившееся напряжение и полученные раны. Лейтенант потерял сознание и сполз по стенке. Один из солдат бросился к нему и стал приводить в чувство. Комбат повернулся к сержанту.

– Цыбулько, отправляйтесь с бойцами в медсанбат, отнесите младшего лейтенанта. Составьте список погибших – сомневаюсь, что ваш командир успел всех запомнить. Документы взвода? – сержант кивнул в сторону разбитой землянки. – Ясно. Когда командир придёт в себя, напомни ему составить наградные листы. Подлечитесь и догоняйте нас.

Он понизил голос, чтобы слышал только сержант.

– Берегите парнишку. Подучится – хороший командир будет.

– Понял, товарищ майор.

Через десять минут, уложив всё ещё находящегося без сознания командира на взятые у санитаря носилки, взвод шёл в тыл. Оборванные, закопчённые, в бинтах, как замызганных, так и свежих, они шли навстречу потоку людей и техники. Войска двигались на Запад. Дивизия снова перешла в наступление, а противник, растеряв последние остатки ре-

зервов в неудавшейся контратаке, всё быстрее отступал.

И никто из тех, кто сейчас шёл вперёд, не знал, что бóльшая часть успеха принадлежит этим израненным, усталым бойцам и их юному командиру. А бойцы шли и думали, что этот мальчишка, не по возрасту много переживший, имеющий своё мнение обо всём, этот мальчишка сегодня спас им жизнь. И не только им. Они знали, что, застань их немецкая атака в той канаве, которая была утром, они не продержались бы и десяти минут.

Когда они добрались до медсанбата, уже стемнело. Их ждали. В дивизионной газетке появилась заметка, что в успехе дивизии огромная заслуга принадлежит взводу, который принял на себя основной удар немецкой контратаки. В статье говорилось, что бóльшая часть взвода погибла и что все, и живые и мёртвые, представлены к наградам. Солдат отправили на перевязку, а к лейтенанту, встревоженный сообщением, что он так и не пришёл в себя, поспешил врач.

Но, едва начав осмотр, он успокоился. Младший лейтенант просто спал. Усталость, напряжение и потеря крови взяли своё. Герой НАШЕГО времени, уже ставший любимцем всего женского персонала медсанбата. Пример для подражания у мальчишек, статья о нём и его взводе выйдет в центральной газете завтра, ... мая 1944 года. Он спал и видел сон. И во сне не мёртвая, а живая и весёлая Олечка с сияющими голубыми глазами улыбалась и махала ему рукой...

Девушка закончила читать статью. Поправила непривыч-

ного вида матерчатый синий берет, постаралась незаметно смахнуть слёзы и неожиданно взглянула мне прямо в глаза. Я смутился, будто чтение из-за плеча было чем-то предосудительным, отвёл взгляд и... проснулся. Несколько секунд бездумно смотрел в потолок. Чёрт! А я так надеялся, что это закончилось.

Глава 2

Этот сон! Суть была не в том, что он ощущался как действительность. Суть была в самой статье. Что за тяжёлые оборонительные бои 41-го и 42-го годов? Кому придёт в голову есть сваренные обои? Почему хлеб жарят на касторовом масле? Это же чушь. А сутки в постели с мёртвой сестрой? Да ещё в Ленинграде, где даже светомаскировку отменили уже к августу 1941 года. А статья в газете за май 1944-го? Когда война закончилась в 1943-м? Бред, горячечный бред! Но девушка из сна плакала. А сама статья напечатана, если я не ошибся, в «Правде». Вот как прикажете это понимать?!

Сквозь плотно задёрнутые шторы свет не пробивался. Взяв с тумбочки часы, глянул на слабо светящиеся стрелки. Пять утра. Вот чёрт! А я-то надеялся поспать часов до семи. Мы с ребятами собирались встретиться только в 11.00, причём прямо тут, возле ворот. Так что можно было встать попозже. Отпуск всё-таки. Мой первый офицерский отпуск. А теперь сна ни в одном глазу.

Ладно, раз такое дело, вполне могу пробежаться. Вспомнить курсантскую молодость. Ха-ха-ха три раза. Я встал, привычно застелил койку и быстро оделся. Камуфляжные штаны, защитного цвета футболка и кроссовки. Для утренней разминки самое то. Вышел из комнаты, стараясь не шу-

меть, запер дверь и пошёл к выходу. В коридоре было тихо и пусто. Ещё бы, выходной день и раннее утро. Это только меня черти подняли в такую рань.

За столом в холле сидела женщина. Я знал её всю жизнь. Годы на ней упорно не сказывались. Разве что глаза спрятались за элегантными очками. Ещё, страшный секрет, она красила волосы: слишком много в них появилось седины. Зато фигурой она могла поспорить с моими одноклассницами. Тонкие пальцы аккуратно перевернули страницу. Эти пальцы могли ласково взъерошить волосы на макушке или сердито хлопнуть по столу, призывая к тишине. А ещё они могли мягко, почти неслышно подоткнуть одеяло, сбитое в тревожном сне.

Давным-давно, когда я был маленьким, мы звали её Мария Витальевна, она была нашим воспитателем. Теперь, спустя двадцать лет, достигнув пенсионного возраста, она всё равно осталась с нами, пусть и в роли ночной дежурной. Но все мы знали, что она, как и раньше, каждую ночь обходит комнаты младших, добрыми руками и тихим голосом убаюкивая беспокойных.

– Ой, Никиток! Ты чего это в такую рань?

Только она называла меня так. И только наедине. Во время занятий мы становились Никитами, Сергееми и Михаилами. В свободное время она звала нас ею самой изменёнными именами. Меня, к примеру, Кит. И только один на один я для неё Никиток. А она для меня – Мама! Это наш секрет.

Когда мне было лет двенадцать, она собиралась меня усыновить. Как же я был счастлив! Но потом представил, как ухожу из своей комнаты, а ребята остаются. И не смог.

Мы проговорили и проплакали целый вечер. Она тоже колебалась, ведь все здесь, на тот момент шестнадцать мальчишек и одиннадцать девчонок, были её детьми. И мы с ней приняли решение. Я остался. Но теперь иногда, наедине, звал её мамой. А потом в письмах, которые писал из училища на её домашний адрес. Я обошёл стол и, присев на корточки, положил голову к ней на колени.

– Всё хорошо, мама! Просто опять странный сон. А снова засыпать уже поздно. Решил пробежаться с утра.

Она отложила книгу и погладила меня по голове.

– К завтраку прибежишь? Или опять только к обеду про нас вспомнишь?

Ответить я не успел, на столе зазвонил телефон. Мама сняла трубку:

– Детский дом!

На той стороне будто кто-то поперхнулся, в тишине звуки из динамика были слышны отчётливо, и сразу раздались гудки. Мама удивлённо пожала плечами и вернула трубку на место. А у меня странно заныло в груди. Однако ласковая рука снова прошлась по волосам, и непонятная тревога испарилась.

– Мам, ты забыла. В одиннадцать соберутся ребята, и мы уедем. Дней на пять.

Она засмеялась.

– Ну как же! Уговорили тебя всё-таки Медведь и его реконструкторы. Только я подзабыла, куда вы едете.

– На Днестр. Если точнее, то в район Ямполья. Ладно, я пойду, мам.

Только увидев, как на её лицо набежало облачко, – вспомнил. Для неё любое напоминание о Днестре – боль. Её дед был майором, служил в Белецкой комендатуре. Когда группа Клейста только начала прорыв, семьи командиров попытались эвакуировать на другой берег, рассчитывая разместить их в санатории им. Ленина. Кто же ожидал, что события будут развиваться настолько стремительно и страшно... Дед погиб в ходе боёв. А группа женщин и детей застряла на этом берегу, паром не работал. Тут их и нашли румыны. Вояки они те ещё, а вот грабить и насиловать...

Спасти удалось немногим. Мамина мама, тогда тринадцатилетняя девчонка, была одной из выживших. Физически она оправилась относительно быстро, но вот лечить психику ей пришлось до конца жизни. Замуж она вышла поздно и пробыла в браке недолго, а потом все заботы легли на мамины плечи. Так что замуж моя мама так и не вышла. Под конец жизни «бабушка» стала разговаривать во сне. Точнее, кричать и плакать. Вот тогда, просиживая ночи у её постели, мама и узнала, что произошло на берегу. И старалась не упоминать название реки. А про румын вообще слышать не могла.

Я, извиняясь, погладил её по плечу, чмокнул в прохладную щёку и вышел из здания. Идя по дорожке к воротам, внимательнее присмотрелся к изменениям во дворе. Раньше тут была большая спортплощадка. Теперь её уменьшили, а освободившееся место занимали качели, карусель и другое игровое оборудование для детей. Оно и понятно. Раньше нас было всего-то двадцать семь человек. И все примерно одного возраста. Разница была максимум два года. А теперь мы повзростали и разъехались кто куда. Нет, для нас оставили несколько комнат, но детдом медленно становился обычным учреждением для сирот. А раньше был чем-то средним между детским домом и научно-исследовательским институтом. Дело было в нас – детях ниоткуда.

Это началось в 90-х. В разных местах стали находить подкидышей. Это было дикостью, о которой успели забыть. А тут почти три десятка случаев за пару лет. Ребёнок и записка с Ф.И.О. Поначалу было несколько гневных статей в газетах, но... и всё. Откуда появились новорождённые младенцы, так и не смогли выяснить. Потом, когда мы немного подросли и научились говорить, стало интересней. Всем нам, где бы мы ни находились, снились похожие сны. Странные сны из другой жизни. А ещё мы задавали вопросы, от которых воспитатели впадали в шок.

Вот тогда где-то наверху соединили все факты воедино и собрали нас вместе. Двухэтажный особняк в тихом переулке стал нашим домом. Тут мы жили, тут нас исследовали. До

третьего класса мы даже учились тут же. Собственно, «исследовали» – это не совсем точно. Само собой нам делали всякие СИТИ, УЗИ и прочие флюорографии. Но в основном нас расспрашивали.

Это стало привычным – после завтрака рассказывать людям в белых халатах, что нам снилось. Потом уже, когда вырос, стало понятно, что при этом нас подвергали гипнозу. Чтобы рассказы были максимально подробными. Но это продолжалось недолго. Годам к тринадцати сны прекратились. У всех, кроме меня. Но видел я их всё реже и постепенно убедил ученых, что больше мне ничего интересного не снится. Так что с пятнадцати лет для всех я стал обычным парнем. Хотя лично со мной странные вещи продолжали происходить.

Начал заниматься спортом, всеми видами понемногу. После сделал упор на стрельбе и беге. Ну, ещё немного бокс. В школе особо выделял иностранные языки. Да вообще почти все мы, детдомовцы, были отличниками. Что ещё интересно – все мы рано выбрали, чем будем заниматься. Возможно, потому, что одним из проводимых над нами исследований было психологическое тестирование. Учёные старались выявить наши способности и склонности.

Кое-чего они добились. К примеру, у меня быстрая реакция на смену обстановки. А ещё способность чётко оценивать ситуацию в целом. Как результат – я выбрал армию. Мой лучший друг Мишка, он же Медведь, запоминает информа-

цию целыми страницами и практически с одного взгляда. А ещё здорово экстраполирует данные. Он выбрал историю. Из оставшихся двоих соседей по комнате один мастерски улаживал любые конфликты, неизбежные при постоянном общении, и сейчас учится на дипломата. Другой – можно сказать, живой компьютер и учится, соответственно, на экономиста.

Вот, кстати, этот самый Мишка, сосед и, можно сказать, «старший брат», уговорил меня на поездку. Он особенно увлекался историей Великой Отечественной войны, в том числе реконструкторством – лет с шестнадцати. Он был старше меня на два года, в прошлом году окончил универ и работал в военном архиве. Одновременно писал кандидатскую по боям на Южном направлении в июле 41-го. Этот энтузиаст собрал вокруг себя таких же фанатиков, и они всё свободное время проводили в поле. «Разыгрывали» войну, но одновременно и занимались поиском пропавших без вести.

Я прикрыл за собой калитку и побежал. Мимо военной части, которая располагалась на повороте, мимо старых одноэтажных домов постройки начала века. Когда выскочил на проспект, дома поменялись. Тут уже застройка относилась к пятидесятым, а кое-где и семидесятым годам. Через пару минут я вбежал в ворота стадиона и свернул на беговую дорожку. Вахтёры на входе давным-давно знали нас всех в лицо и только махали рукой: беги, мол.

Привычно накручивая круги, я снова вспоминал. Кроме

Мишки успели закончить учёбу ещё трое. Один окончил училище стратегических ракетных войск. Сейчас служил в каком-то жутко секретном военном НИИ. Второй в процессе учёбы занялся комсомольской деятельностью. Так что сейчас уже был вторым секретарём обкома комсомола. И наконец, третья, едва окончив биологический факультет МГУ, стала восходящей звездой в области исследования геропротекторов. Да и Мишка уже считается одним из крупнейших специалистов по истории Второй мировой войны.

Итого, к 2013 году из двадцати семи подкидышей четверо являются людьми, намного превышающими среднестатистический уровень развития. А если учесть Ромку, который сейчас оканчивает Харьковский мединститут со специализацией по полевой хирургии и уже получил предложения от десятка как военных, так и гражданских организаций, то уже пятеро. Интересно, как скоро за нас опять возьмутся учёные. Хотя, может, и не опять. Может, отсутствие внешнего контроля не отменяет собственно продолжающихся исследований. И негласного присмотра. Может такое быть? Да и ещё как!

Взять, к примеру, меня. На первом курсе меня чуть не исключили из училища. Ночью, в три часа пятнадцать минут, раздался звонок, и в телефонной трубке прозвучало:

– Дневальный, боевая тревога!

Разумеется, я, успевший прослужить всего три месяца курсантом общевойскового командного училища, положил

трубку и заорал:

– Рота, подъём, боевая тревога!

Рота поднялась! Получив оружие, все выскочили на плац. Вынесли боеприпасы. Посыльные рванули к офицерам. Короче шум, гам, суета, хотя и упорядоченная. Главное – за нами рванулись и остальные две роты батальона. Пока появились дежурные офицеры, пока то да сё. Короче, никто никакой тревоги не объявлял, даже учебной. А кто крайний? А дневальный.

Сначала решили, что я так по-идиотски пошутил. Следом, учитывая, что я до сих пор в глупостях не замечен, да и вообще отличник боевой и политической, решили, что я заснул. И мне что-то приснилось. Что ненамного лучше, но хоть «без злого умысла». Тем не менее шум был изрядный, особенно учитывая выдачу боекомплекта. Собирались отчислить. А потом выяснилось, что звонок был. И запись разговора подтвердила, что я не спал и ничего не придумал.

Было расследование, но отследить абонента не удалось. Он оказался сродни мне – из ниоткуда. Зато я остался в училище. И даже более того, стал командиром отделения. А весь батальон получил благодарность за быстрые и умелые действия. Только вот вопрос: а кто вообще стал проверять, был ли звонок? Тем паче поднимать запись разговора? Вот то-то и оно!

Пока вспоминал, набегал свои привычные шесть километров. На часах было начало седьмого, и я отправился назад.

Завтрак у нас в будние дни начинался в половине седьмого, а в воскресенье в семь тридцать. Опаздывать и заходить, когда все уже за столами, не хотелось. Да и мама ждёт. Она очень огорчилась, когда я сказал о поездке, хотя и старается это скрыть. Я понимаю, конечно. Четыре года приезжал только летом и жил в своей комнате в детдоме, потому что она ещё работала воспитателем. А этим летом ждала, что я наконец остановлюсь у неё. И вот...

В комнате я принял душ и переоделся. Таких вот комнат для «выпускников» было пять. В каждой могли жить два человека, но в этой я пока один. Отличий между обычными и «гостевыми» комнатами не так много, основное – санузел в комнате. Воспитанники пользовались общими, хотя и максимально «индивидуализированными» туалетами и душевыми. В столовую я вошёл ровно в семь тридцать. Вчера меня видели немногие, поэтому малыши, а также приехавшие на каникулы однокашники зашумели. Мелкотня – будучи в восторге от моей формы, остальные – радуясь встрече.

После завтрака часа полтора общался со старыми друзьями. Большая часть в следующем году заканчивает учёбу, и все мы понимаем, что, возможно, увидимся теперь не скоро. Тем более учитывая, что назначение я получил хоть и шикарное, но далеко. Как-никак Западная группа войск. Одна общевойсковая и две танковые армии. Вот в отдельный разведбат одной из танковых армий меня и направили. Дислоцировался он в окрестностях Лиона и являлся самым уда-

лённым из подразделений Советской армии за рубежом.

В десять я переоделся в форму лейтенанта Красной армии. Она, конечно, отличалась от современной, но не слишком сильно. Основные отличия были не в самой форме, а в экипировке, но её я надену уже на месте. Тем более вся амуниция пока хранится у Мишки. Что самое интересное, моя форма была настоящей. Где Медведь раскопал этот комплект – я не знаю, но факт! Пошива фабрики «Большевичка» 1941 года. Уже под погоны. Сами погоны, мягкие, защитного цвета, с малиновыми кантом и просветом и защитного цвета звёздочками, были того же года. Вещи были не новые, но как говорят, малоношенные.

Сидела она как влитая, но чувствовал я себя странно. Не знаю, как объяснить, но... короче, не знаю. Странно, и всё. Сапоги я использовал свои, курсантские юфтевые. Выцыганил у прапора со склада, когда новые получал. Вот пилотка была ненадёванная. И как раз новодел для реконструкторов. Плюс полевая сумка, плюс кожаная кобура под «ТТ». Короче, когда я вышел к маме, она была в восторге. Мы проговорили всё оставшееся время, а ровно в одиннадцать ноль-ноль я стоял у ворот.

Из ворот в/ч выехала машина и посигналила. Из кабины торчал Мишка и махал мне рукой. Через две минуты я сидел в кузове и знакомился с остальными участниками поездки. Их было семеро, не считая Мишки в кабине. От них я узнал, что сейчас мы едем на военный аэродром. Оттуда са-

молётом до Ямполья, а уже там нас ждёт транспорт до места. Ну Медведь, ну жук. А я-то думал, как же мы за пять дней успеем доехать, разыграть сражение и вернуться. А так всё ясно. Сегодня доберёмся до места, завтра – подготовка, два дня собственно реконструкция, и домой.

Через сорок минут мы уже выехали на поле. Ещё через час были в воздухе. Полёт ничего особого из себя не представлял. Обычный транспортный борт, морально устаревший, хотя пока летающий. Ну и используют его для всяких текущих дел. Отвезти-привезти что-то не то, чтобы армейское, но в «околовоенной» сфере. Типа нас. Уже в самолёте Мишка объяснил, что они с ребятами нашли места падений нескольких машин этой части. Точнее её предшественницы времён войны. Сумели опознать экипажи. Вот командование и идёт навстречу, в благодарность.

В Ямполье нас ждали две машины. Ну, одна из них – «Урал» выпуска 2001 года. Не самая новая модификация, но машина надёжная и проверенная временем. А вот другая! КШМ, или командно-штабная машина на базе «ЗИС-5». Вот это раритет! Эти машины прошли всю войну. От 22 июня 1941-го до победного октября 1943-го! Я думал, их осталась пара экземпляров в музеях. Во всяком случае, в Ленинграде, в Военно-историческом музее артиллерии, инженерных войск и войск связи я такую точно видел. И в Москве, в Центральном музее Победы. Но вот так, на ходу!!! Обалдеть!

Глава 3

Мы в дороге всего-то час. И всё это время Мишка объясняет мне, что, собственно, мы тут будем воспроизводить. А я чувствую себя дурак дураком. Им-то хорошо! Я о ребятах, с которыми еду. Они частью историки, а частью просто фанаты-реконструкторы, но все в курсе дела. А меня просто «старший брат» уговорил. Мол, я буду среди них единственный настоящий офицер. Вот теперь и пытаюсь впитать информацию.

А «восстанавливать» мы будем эпизод начала августа 1941 года. Тогда, прорвав оборону 176-й стрелковой дивизии и беспрепятственно форсировав Днестр между Ямполем и Сороками, ударная группа в составе 11-й немецкой, 3-й и 4-й румынских армий и частей 8-го венгерского армейского корпуса и танковой группы под командованием генерал-полковника Клейста вышла в тыл правому крылу Южного и левому крылу Юго-Западного фронтов. Группа Клейста – это остатки танковых и моторизованных дивизий из состава 1-й и 2-й танковых групп. После провала наступления на киевском направлении их скрыто перебросили южнее. Вот она и шла впереди, желая реабилитироваться перед фюрером.

К этому времени наступление Красной армии прекратилось. Линия фронта временно стабилизировалась. К концу июля 1941 года была очищена от фрицев почти вся Эстония.

На территории Литвы и Латвии немцев прижали к берегу, одновременно нанеся удар от Сувалок и высадив крупный морской десант у Клайпеды. Так что остатки 16-й и 18-й армий вермахта, как и остатки 4-й танковой группы, оказались в окружении.

В остальном фронт вытянулся огромной дугой, по большей части проходя по рекам Нарев и Висла. Тут немцы сумели остановить наступление и спешно укрепляли оборону. Войска Красной армии пополнялись техникой и людьми, подвозились боеприпасы и горючее. Ставка готовилась к форсированию водных преград и дальнейшему наступлению.

А вот на юге всё замерло ещё в июне. Несколько вялых попыток наступать с немецкой стороны были отбиты, и фронт замер на границе. В начале июля часть соединений вермахта и союзников была переброшена на Центральный фронт. А потом командование Южного фронта «уснуло». Потерпев поражение на севере и в центре, немцы начали тихо концентрировать силы на стыке 9-й и 18-й армий. Разведка это дело прогляпила.

Мало того, успокоенное тихим поведением немцев, командование... отвело войска из укрепрайонов. Новейшие, достроенные только в мае 1941 года орудийные, пулемётные и артиллерийские капониры и полукапониры остались без личного состава. Их охраняли караулы из 3–4 бойцов, в лучшем случае уполовиненные гарнизоны. Так что, прорвав

внезапным ударом оборону у госграницы, танковый клин немцев захватил неприкрытые переправы и прошёл укрепленный район без всякого сопротивления.

После чего небольшая часть ударила на Могилёв-Подольский, Жмеринку и Винницу, грозя выходом в тыл войскам Юго-Западного фронта, а остальные пошли на Первомайск, с последующим ударом на Одессу и Николаев. Румыны и венгры наносили удар на Бельцы и Кишинёв. Туда же бросили и итальянские, французские и хорватские формирования. В результате ими была оккупирована Молдавия и часть Украины. Одесса оказалась в осаде. И находилась в ней 118 дней.

Были заняты Николаев и Херсон, а также часть побережья до Приморского. Ставке пришлось перебрасывать армии, подготовленные для наступления на Западном фронте к месту прорыва, а также к Перекопу, чтобы ликвидировать угрозу Крыму. Это затянуло начало общего наступления на четыре с половиной месяца. А кроме того, позволило немцам наносить авиаудары по базе Черноморского флота в Севастополе и поддерживать с воздуха флот Румынии и Италии.

Однако с января 1942-го началось общее наступление. Результатом явилось освобождение большей части Европы. США, занятые в Тихом океане, в боях на этом театре военных действий участия не принимали. Англичане спохватились слишком поздно, в результате их высадка в Кале име-

ла больше политическое, чем военное значение. Правда, после встречи в Москве в сентябре 1943-го СССР «позволил» англичанам вместе с нами освобождать Испанию. Французы во главе с де Голлем считались нашими союзниками ещё с конца 1940 года. Итальянцы, сбросив Муссолини, вышли из войны ещё в феврале. В результате 1 октября 1943 года во Франкфурте был подписан пакт о капитуляции. И хотя бои продолжались до декабря, именно этот день стал Днём Победы.

Но это так, краткий экскурс в историю. А сейчас Мишка на карте показывал мне, где и что мы будем делать. Нас интересовал не собственно прорыв на Пруте, а одна из последних попыток задержать танковый кулак немцев у населённого пункта Сороки. Там остатки 176-й стрелковой дивизии частью сил пытались нанести фланговый удар. К сожалению, безуспешно. Войска Южного фронта по непонятной причине перевооружались по остаточному принципу. Так что им элементарно не хватило времени и сил на подготовку контрнаступления.

– Всё, Медведь, остановись. Я же не губка, с такой скоростью инфу впитывать. Давай перекурим, а?

Мишка замолчал на полуслове и удивлённо посмотрел на меня. Потом сообразил и захохотал.

– А я тебе говорил! Историю надо учить. А уж военную историю – вдвойне, особенно тебе. Да ладно, отдохни пять минут. Пока посмотри это.

Он протянул мне пачку документов. Я взял. Командирское удостоверение, продаттестат, вещевой аттестат, денежный аттестат, направление к месту службы. И, что главное, даже след скрепки в документах присутствует. А ещё присутствует дрожь в руках. Потому как документы вполне подлинны. Даже мастика на печатях и чернила. Вот хоть сейчас предъявляй контрразведке. Году этак в 1941-м.

А самое главное – все на моё имя. А командирское удостоверение так даже с моей фотографией: Дубинин Никита Алексеевич. Дата рождения: 17 сентября 1919 года. Та-ак! День рождения тоже мой, только год изменён. Ну вот на фига?

– Миш, а Миш! Вот ты вообще нормальный? Зачем? Вот у тебя, я видел, документы реконструкторские. И сделаны уже в наши дни, и фамилия там не твоя. Да и форма на тебе тоже новодел. А у меня всё как перед заброской во вражеские тылы. Ты, часом, машину времени тут не припрятал? Чтобы в прошлое нас перенести?

Мишка опять захохотал. А потом стал серьёзным.

– Нет, это чтоб тебя проняло. Я ведь и правда считаю, что все мы должны учить историю войны особенно глубоко. Я про всех наших, детдомовских, говорю. Есть у меня теория одна, но я тебе потом изложу, если проникнешься. Вот я и подумал, что если дать тебе почувствовать себя ТАМ!..

Машина остановилась, и Мишка, оборвав фразу, потопал к выходу из кузова. И вот, сколько лет его знаю, а всё рав-

но! Как увижу со спины – смех разбирает. Его ведь потому и прозвали – Медведь, за похожесть движений. И ведь он не косолапит, нет. Просто походка такая... медвежья. Я попытался отвлечься от этой странной истории и тоже спрыгнул на землю. Можно, конечно, по лесенке спуститься, но я немного в напряге, да и вообще!

Мы стояли у въезда на территорию музейного комплекса. Здесь, на обрывистом берегу Днестра, находились отреставрированные сооружения 12-го Могилёв-Подольского укрепрайона. Те, что так и не вступили в бой в 1941-м. Артиллерийско-пулемётный полукапонир (АППК) и несколько пулемётных полукапониров (ППК). АППК должен был удерживать одну из немногочисленных удобных переправ, а пулемётные ДОТы – прикрывать его с флангов.

На тот берег нам предстояло отправляться утром, так что Мишка повёл меня на экскурсию. Мы обследовали все помещения на обоих этажах. И я окончательно забыл про странности с формой, а также с документами, которые теперь лежали в нагрудном кармане гимнастёрки. Я ощупал руками каждый выступ, посидел возле каждого из орудий и пулемётов. Это было сильно. И, осматривая казематы, я никак не мог отделаться от мысли, что это неправильно. Как можно было допустить, чтобы немцы просто прошли мимо этой силищи?! За такие дела расстреливать надо.

Такие ДОТы строили в конце 40-го – начале 41-го. Их было немного, и они стояли на ключевых позициях. Они имели

два этажа. Стены и перекрытия толщиной до 3,5 метра. Кроме того, под бетоном располагался пусть и сварной, но бронеколпак над первым уровнем. Здесь были два артиллерийских каземата с 85-мм орудиями, склад боеприпасов, комната отдыха с чугунным котлом для обогрева и приготовления пищи и командный пункт, совмещённый с комнатой связи. На втором уровне были три пулемётных каземата с самыми на тот момент современными 12,7-мм машинками Горюнова, санузел, два дизеля, один поменьше, похоже резервный, мини-цистерна с соляжкой, вентиляционная установка, фильтровальная установка и водонасосная установка.

Да имей этот АПК личный состав, он мог наглухо закрыть переправу. А если бы вокруг заняли оборону штатные подразделения, немцы так и не смогли бы прорваться в тылы фронтов. А значит, подошедшие из резерва дивизии не ложились бы в наскоро подготовленных контратаках, а собрав кулак, гнали бы врага к границе. Глядишь и война закончилась бы не в октябре, а раньше. Может, даже в мае.

Остальные сооружения музейного комплекса я смотрел уже на автомате. Правее и левее стояли трёхамбразурные пулемётные полукапониры. Из трёх амбразур две были обращены к фронту, а одна прикрывала фланг. Вооружены они были пулемётами «Максим» в казематных установках НПС-3. А двухамбразурный ДЗОТ, очень здорово замаскированный, прикрывал тылы на обратном скате АППК. Вот он даже немного воевал. Оставленный для охраны караул,

когда немцы обошли основные сооружения, занял его и открыл огонь. Продержались ребята всего несколько минут, но хотя бы попытались дать бой.

Ночевали мы в палатках. Засыпал я долго, всё пытался понять, какой логикой руководствовалось командование, когда снимало гарнизоны и оставляло всю эту мощнейшую систему совершенно беспомощной. Ладно, я понимаю, на заключительном этапе войны личный состав свели до минимума. Так войска уже находились чёрт-те где в Венгрии, Югославии и Греции. Но в сорок первом! Пусть даже фрицы на западном направлении вообще отошли за Вислу, а здесь на юге топтались у Прута! А тем паче что у фронта и так забрали мехкорпус и несколько стрелковых дивизий. Значит, резервов ноль, та же 176-я сд держит фронт 100 км, вместо положенных 12–20.

Заснул я уже под утро. А в шесть наш тиран растолкал всех, и после быстрого перекуса мы поехали дальше. Через мост проскочили быстро, а вот дальше опять встали. Мишка полез наружу, я за ним. Там, возле мотоциклетки ГАИ, стоял сержант и беседовал с народом. Как оказалось, дорогу очищают для проезда большой колонны автобусов с детьми, направляющихся в летние лагеря. Задержка на полчаса, не больше. Собственно, длинная змея «Икарусов» с названиями пионерлагерей на боку уже пылила к мосту.

Все наши столпились рядом с гаишником. Кто, пользуясь случаем, курил. Кто просто смотрел. Когда забубнила рация

на плече у сержанта, дёрнулся только я. Просто голос был нервный, хоть слов я и не разбирал. Зато сержант побледнел и выскочил на дорогу, глядя в другую сторону. Я посмотрел туда же. Над дорогой клубилась пыль. И что-то во мне опять дёрнулось.

– Что там, сержант?

Я говорил с «командными» интонациями, гаишник даже не дёрнулся на такое обращение.

– В Сороках пьяный водитель на «ЗИЛе» сшиб пешеходов. Попытался уехать и снёс с дороги легковушку. Та влетела в витрину магазина. Много пострадавших. Водила впал в панику и несётся, сметая всё на пути. Сейчас едет сюда.

Мозг работал быстро и чётко.

– Оружие есть?

Сержант растерянно покачал головой. Чёрт! В туче пыли уже отчётливо видны контуры грузовика, вихляющего по дороге на полной скорости. Времени на раздумья не осталось. Я прыгнул в кабину «ЗИСа». Мотор завёлся сполоборота, и я рванул вперёд. «Урал» в данной ситуации был бы лучше, но он стоял позади, и развернуться я не успею. Подставлять борт в данной ситуации тоже смысла не было, и я просто направил машину в лоб. В последнюю минуту этот урод попытался свернуть, но не успел. Удар вышиб из меня сознание почти мгновенно. Единственное, о чём я успел подумать, – это о маме. Она так ждала, когда же я перееду жить к ней!

Глава 4

Я плыл. Во всяком случае, меня покачивало. Волны, правда, какие-то разнокалиберные и вообще квадратные. А, собственно, откуда тут волны? Сознание медленно возвращалось. Так! Мишка уговорил меня поехать с ним на реконструкторский фестиваль, или как это у них называется. Мы выехали утром, потом нас остановил гаишник... Авария! Я направил машину в лоб пьяному водителю, чтобы он не въехал в колонну автобусов с детьми. И сейчас меня... несут? Ну точно. Меня несут на носилках. Только вот почему? Ведь «Скорую» вызвать проще.

Над головой загудели моторы, и меня очень быстро опустили на землю. Можно сказать уронили. На пару секунд я, похоже, отключился. Вот черти. Так не спасут, а ещё больше покалечат. Я попытался открыть глаза и встать. Кто-то прижал меня к земле, и хриплый голос сказал мне в ухо:

– Лежите, товарищ лейтенант! Если нас «мессеры» заметят – всё, кранты. Начнут охоту, сволочи. И где наши истребители носят!..

Дальше последовало бормотание. Тихое, но вполне разборчивое. На великом и могучем русском языке. А я от удивления разом открыл глаза. Первое, что увидел, – заходящее солнце и дым. Рядом лежал боец с погонами сержанта и придерживал меня рукой, не давая встать. А в небе пронеслись

два хищных самолёта с тонкими фюзеляжами и крестами на крыльях. Я снова закрыл глаза.

То, что это не игра, я понял. Если точнее, то не понял, а просто знал. Ну, не стал бы Мишка таскать меня, потерявшего сознание, по игровому полю весь день. Ведь авария была утром, а сейчас уже темнеет. Да и вообще. Шумовой фон появился раньше, практически с первой секунды. Например, грохот взрывов в паре километров от нас, уханье орудий, рёв моторов над головой. Да и, кстати, «мессера» в таких играх не участвуют. А ещё лежащий рядом сержант. Он точно воевал, и воевал уже не первый день. Тому, кто понимает, это видно.

А вот чего я не понимал – как я тут очутился?! И что конкретно происходит. Что ж, для оценки ситуации нужна информация. Я попробовал заговорить. Не вышло: в горле суше, чем в пустыне. Попытался сглотнуть – куда там. Но мне позарез нужно понимание обстановки.

– Сержант, где мы, что происходит?

Не-е-т, я не сказал эти несколько слов, я даже не прохрипел их. Я их вытолкнул из себя и был приятно удивлён, когда боец ответил.

– Так, товарищ лейтенант, в поле мы. Недалеко от переправы через Днестр.

Первая важная информация – место почти совпадает.

– Как я тут оказался?

Вопрос может показаться странным, но я не рассчитывал

на объяснения в стиле Эйнштейна. И сержант сказал именно то, что я и хотел услышать.

– Не помните? Ну да, после такого удара можно и самого себя забыть. Ну, у нас приказ был: нанести удар по немцам. Мы и ударили. Поначалу нас много было, почитай целый полк, да ещё танки, да артиллерия.

– Сколько танков? – перебил я его.

– Так один из новых, здоровый такой, КВ называется. Ещё два Т-34, бэтэшек четыре или пять и несколько Т-26. А, ещё броневиков было с десятков. Нам-то показалось, что ого-го какая сила. А немцы их все за пять минут пожгли. Один КВ чуток подольше продержался, но и его в конце спалили. А потом за нас взялись. Сначала бомбить начали, потом орудиями и миномётами накрыли, а под конец танки пошли.

– И что, вот так запросто целый полк и положили?

Слова уже выговаривались лучше. А сержант обиделся.

– Не сразу. В атаку нас вчера пополудни подняли. А когда мы совсем без танков остались и командир наш приказал окапываться – уже солнце заходило. А сегодня немец с утра и попёр. К полудню ни людей почти не осталось, ни командиров. Спереди немцы, стали отходить к реке. Командовал какой-то капитан. Шли через поле – и вдруг стрельба.

Если бы пехота – так ещё ничего, а тут на дорогу выехал броневик. И стал из пулемёта косить. Все бегут, капитан куда-то пропал, думали всё – конец. А тут через дорогу вылетает грузовик и этому броневнику в борт ка-а-к даст! Тот пе-

ревернул, пулемёт замолчал, ну и все к реке рванули. А я взял несколько своих бойцов – и к машине. Вас из кабины вытащили и тоже ходу.

Так получается, я там пошёл на таран и тут тоже? Да уж, интересная у меня машина времени! Сержант, видя, что я молчу, участливо спросил:

– Что, товарищ лейтенант, совсем ничего не помните?

Ладно, начнём писать свою легенду.

– Да нет, как в кабину КШМ прыгнул и по газам – помню, а вот самого тарана – нет.

– А КШМ это что? – спросил сержант.

– Так называется тот грузовик, на котором я был: командно-штабная машина. Только не помню, откуда она взялась.

– А себя-то помните?

– Помню. Лейтенант Дубинин Никита Алексеевич. Закончил пехотное училище, направлен в 591-й стрелковый полк 176-й стрелковой дивизии. Вот только, похоже, не добрался!

– Это точно, товарищ лейтенант.

– Сержант, а число сегодня какое?

– Пятое августа, товарищ лейтенант.

Да, это я «удачно» попал. Контрудар под Сороками, который мы должны были разыгрывать, провалился. Не завтра, так послезавтра немцы пройдут через ничем не прикрытую переправу через Днестр. А там, вырвавшись на оперативный простор, наделают таких дел!.. Может, прав Мишка в своей сумасшедшей теории, и цель моего рождения именно в этом

– остановить прорыв?

В воздухе всё ещё был слышен гул моторов, так что приходилось лежать. Тут мне пришло в голову проверить, а в каком я, собственно, состоянии? С опаской подвигал ногами. Нормально, чувствую. Правая рука – работает. А вот левая, похоже, примотана к телу. Качнул головой и понял, что она тоже побаливает. Поднял руку и нащупал бинты. Очень интересно! Я-то опасался переломанных ног и рёбер, а тут рука и голова. Что-то не сходится.

Сержант мои телодвижения заметил и пояснил:

– Ранило вас, товарищ лейтенант. Броневи́к тот, немецкий – разведка это. Мы такие уже видели. Выскочил, увидел и вызывает своих. А тут видать знали уже, что у нас даже гранат не осталось, вот и осмелели. Двое с пулемётом на дорогу выскочили. Пока тот, в башне, перезаряжался – этот стрелял. Вот, и когда ваш грузовик выскочил, те, снаружи, очередь дать успели. А потом вы и их снесли вместе с броневи́ком. Но голову и руку вам зацепило.

– Ясно. Жаль, пулемёт бы пригодился. И ещё, сержант – спасибо что вытащили.

Сержант гордо посмотрел на меня.

– А мы, товарищ лейтенант, и пулемёты захватили. И с дороги, и из машины этой. Вещь нужная, а то, почитай, одни винтовки остались.

Где-то рядом зашуршало, и кто-то, кого я не видел, обратился к моему собеседнику:

– Сержант, улетели вроде. Двигаться надо, пока тихо.

Сержант посмотрел на меня.

– Боец прав. Надо уходить к реке, пока есть такая возможность. Я попробую идти сам, только встать помоги.

Сержант легко встал на ноги и подал мне руку. Я поднялся с земли, голова слегка закружилась, но тут же прошло. На ногах я, слава богу, стоял крепко. Оглядывая остальных, машинально проверил кобуру и нагрудный карман. Отлично, и документы и пистолет на месте. Патронов, правда, нет, но это дело поправимое. Кроме сержанта возле меня стояли ещё трое бойцов. Так, посмотрим.

У самого сержанта был ППШ с коробчатым магазином. Ещё один боец держал в руках СВТ, а за плечом у него висел СКС. Третий был вооружён трофейным МГ-34. Ленты через плечо – тоже мне революционный матрос. А вот четвёртый! Парень был ростом под два метра, а за его спиной вполне могли спрятаться два человека. На сгибе локтя у него лежал второй МГ-34. Судя по ремню, за спиной была СВТ. А на шею он повесил не то пять, не то шесть пулемётных лент.

Значит, с оружием у них не так уж и плохо, я боялся увидеть трёхлинейки. Помню же Мишкины рассказы про перевооружение по остаточному принципу. А пулемёты – это вообще отлично. Однако почему стоим? Глянул на солдат. Так, понятно, я офицер, ждут приказа от меня.

– Сержант, командуйте.

– Есть, товарищ лейтенант. Чёрных и Молин впереди,

Корда замыкающим. Вперёд.

Шли быстро, не бежали только из-за меня. Стоило перейти на бег, как начинала кружиться голова, приходилось останавливаться. На ходу попросил у сержанта поделиться патронами. Если он и удивился, то молча. Так же на ходу по моей просьбе набил магазины и дослал один патрон в ствол. Остаток ссыпал мне в карман. Ещё через пару минут сержант предложил:

– Товарищ лейтенант, а возьмите мой автомат. Я у Молина СКС заберу, а то с одним пистолетом как-то несерьёзно, мало ли что!

– Спасибо сержант, только куда мне с одной рукой автоматом пользоваться.

Идущие впереди бойцы остановились и присели. Мы последовали их примеру.

– Что там? – спросил я.

– Люди на берегу, товарищ лейтенант. Много. Похоже наши, но видно плохо.

– Молин, оставь СВТ сержанту и проверь. Только тихо. Если вдруг немцы – тихо отходишь к нам, без геройства. Понял?

– Так точно, понял.

– Вперёд!

Боец передал самозарядку сержанту и пополз вперёд.

А я сообразил, что забыл кое-что сделать. Тронул вглядывающегося в сгущающиеся сумерки сержанта за плечо.

– Слушай, сержант, а тебя как зовут-то? Извини, сразу не спросил.

– Сержант Белый Сергей Михайлович. Был заместителем командира взвода. Когда командир погиб – принял командование. А теперь нас от всего взвода осталось четверо.

– Понятно. Сержант, а вот перед тем как вас немцы обнаружили, сколько было людей?

Он задумался, продолжая наблюдать за тёмной массой впереди. Наконец ответил:

– Я думаю человек двести. Офицеров, кроме того капитана, не осталось, шли толпой. Вот и наравались.

Впереди послышался топот – и к нам подбежал Молин.

– Товарищ лейтенант, свои это. Наши, кто с поля вышел. Столпились у моста, там, в прикрытии, отделение солдат со старшиной. На мост они никого не пускают, говорят, приказа нет.

– Ясно. Пошли разбираться.

Мы быстро направились к мосту. Увидев меня, бойцы, толпой стоящие у проволочного ограждения на козлах, замолчали. Я остановился, не доходя до них несколько метров. Негромко скомандовал:

– Сержанты, ко мне!

От толпы отделились десятка два человек.

– Товарищи сержанты. Слушай приказ. Выделить охранение в составе двух отделений по десять человек. Охранению занять позиции в ста пятидесяти метрах впереди. Раз-

бить остальной личный состав на взводы по тридцать человек. Доложить мне о количестве людей и наличии оружия. Старший – сержант Белый. Приступить к выполнению. Рядовой Корда, ко мне.

Сержанты направились к толпе, будут превращать её в воинское подразделение. Гигант с пулемётом подошёл ко мне. Винтовки у него за спиной уже не было, как и подсумков с патронами на ремне. Да и лент поуменьшилось, теперь их было три – две наискосок через плечи и одна поверх ремня на поясе.

– Товарищ Корда, вас как зовут?

– Владимир, товарищ лейтенант.

– А по отчеству?

– Семёнович.

– Так, Владимир Семёнович, ты идёшь со мной. Будем выяснять обстановку у моста.

– Есть, понял.

Мы направились к мосту.

– А скажи-ка Владимир Семёнович, ты никак флотский?

– Так точно, товарищ лейтенант. Служил на катерах Дунайской военной флотилии. Моторист. После начала войны подал рапорт с просьбой направить в морскую пехоту. А попал в обычную.

– Освоился?

– Так точно.

Мы подошли к проходу в колючке. Нас ждали старшина с

артиллерийскими эмблемами и два бойца.

– Лейтенант Дубинин. Принял командование над группой бойцов из состава 176-й стрелковой дивизии.

– Старшина Зимин. Командир боевого охранения моста.

– Значит, так, старшина. К мосту движется танковая группа немцев. Сводная группа должна была ударить им во фланг, как видишь, неудачно. Это всё, что осталось. Соединиться со своей дивизией мы не имеем возможности. Вариантов два. Первый – мы занимаем оборону перед мостом, но, учитывая отсутствие противотанковой артиллерии и даже гранат, долго не продержимся. Второй – мы уходим на тот берег, рвём мост и не даём немцам навести переправу. Что скажешь?

Старшина думал. Ситуация была для него тяжёлая. Никаких конкретных приказов у него не было. Ещё пару дней назад мост был в глубоком тылу. И как поступить, он не знал. Продолжая думать, сказал:

– А как его рвануть, если он не заминирован?

Вот так! Поэтому фрицы и прошли тут как у себя дома. Резервов нет, дыры затыкать нечем, мосты к взрыву не подготовлены. Класс! Я поднял голову. В темноте видно не было, но я неожиданно вспомнил про музейную экспозицию.

– Старшина, а ДОТы наверху?

Тот поднял голову, оглянулся назад.

– Так они пустые стоят. В артиллерийском караульные – четыре человека. А в пулемётных вообще никого. Патруль

проходят два раза в сутки, и всё.

– Подожди, старшина. Вот ты артиллерист?

– Так точно. Командир орудия.

– Вот. А ещё среди твоих бойцов специалисты есть?

– Есть. Сержант Долохов – тоже командир орудия, а ефрейтор Иванов – наводчик. Ещё Огурцов – заряжающий. Да и остальные из орудийных расчётов.

– Отлично, старшина. Слушай приказ. Поступаешь под мою команду. Занимаем ДОТы наверху, организуем оборону. Здесь я оставлю дозорных. Связь у тебя есть?

– Никак нет, товарищ лейтенант.

– Чёрт! Подожди, а боекомплект в ДОТах есть?

– Есть, товарищ лейтенант, точно есть. Пульбаты только неделю назад сняли, до этого службу несли, как положено.

Слава богу, хоть что-то хорошо.

– Приказ понял, старшина?

– Так точно, понял.

– Готовь своих бойцов, мы скоро подойдём.

Мы с Кордой отправились назад. Толпы уже не было. Теперь тут стояло воинское подразделение. В десяти шагах я остановился. От строя отделился человек. Чётко подошёл ко мне и отдал честь.

– Товарищ лейтенант. Личный состав по взводам распределён. В строю семьдесят семь человек. В дозоре двадцать. Из оружия в наличии: пулемётов, – короткий взгляд на Корду, – 4, из них два трофейных. Пистолетов-пулемётов ППШ

– 8 штук. Винтовок СВТ – 61 штука. Карабинов СКС – 25 штук. Гранат противопехотных – 81 штука. Гранат противотанковых – нет. Патронов около одного боекомплекта. Докладывает сержант СКС Белый.

– Вольно.

Сержант продублировал:

– Вольно.

– Товарищи бойцы. Как вам известно, сюда направляется танковая группа противника. Наша задача – не дать ему захватить мост и выйти в тыл нашему и соседнему фронтам. Исходя из этого, приказываю: из наличного состава сформировать сводную роту. Перейти на восточный берег Днестра. Занять оборону вдоль берега, используя ближайшие к мосту сооружения укрепления. Остановить продвижение немецко-румынских войск до подхода резервов фронта. Сержант Белый, командуйте выдвижение к мосту.

– Есть, товарищ лейтенант. Рота, нале-во! К мосту шаго-ом марш!

– Сержант Белый, ко мне.

Мой помощник подбежал и кинул руку к каске.

– Сергей Михалыч, а кто командует дозорами?

– Младший сержант Пурциладзе и младший сержант Смирнов.

– Кого стоит оставить перед мостом в охране? Чтобы отследил подход немцев и доложил без лишней горячности?

– Смирнова оставьте, товарищ командир, я его в бою ви-

дел, не подведёт.

– Понял, давай к роте.

– Корда, бегом к дозорам. Пурциладзе к мосту отправь, а Смирнова веди сюда.

– Есть, понял.

Корда собрался бежать, но я его остановил.

– И, Владимир Семёнович, в пехоте отвечают: «Есть!» Без «понял». Привыкай.

– Есть, товарищ лейтенант.

– Всё, бегом марш.

Корда убежал, а я остался стоять, пытаюсь оценить всё, что сейчас сделал. В ДОТе, насколько я помню, есть рация. Если удастся установить связь с вышестоящим командованием и доложить об обстановке, то теоретически нам надо продержаться неделю. В противном случае будем стоять до последнего. Кроме того, эта переправа не единственная. Могут обойти и правее, и левее. Так что, как ни крути, связь – это главное.

Теперь что я, собственно, помню о противнике? Ударная танковая группа Клейста была вновь сформирована из частей 11-й, 13-й, 14-й и 16-й танковых дивизий и моторизованных дивизий СС «Лейбштандарт Адольф Гитлер» и «Викинг». Разбитые в приграничном сражении в июне-июле, они были переформированы и переброшены в район Сучава. Используя один из захваченных плацдармов на реке Прут, сформировали кулак и мощным ударом прорвали фронт.

Из темноты появились солдаты. На всякий случай присел и приготовил пистолет, однако, опознав идущего впереди Корду, встал. Идущий позади него младший сержант отдал команду и подошёл ко мне.

– Товарищ лейтенант, отделение по вашему приказанию прибыло. Командир отделения младший сержант Смирнов.

Я с удовольствием выслушал чёткий, по всем правилам устава доклад и скомандовал: «Вольно».

– Так, сержант. Ваша задача – занять позиции охранения у моста. Следить в оба! Постарайтесь заметить их как можно раньше. При появлении крупных сил немцев посылайте связного и отходите к основным силам. Если это разведка – пропустите и отходите следом. В бой не вступайте. Вопросы?

– Никак нет, товарищ лейтенант.

– Выполняйте.

Смирнов повёл своё отделение, а я зашагал рядом с Кордой. Рота уже стояла в походной колонне на мосту. Позади колонны старшина показывал смене, что и где, его люди уже пристроились к арьергарду. Я дождался, когда новое охранение займёт окопы, и дал команду двигаться. В последний момент снова подозвал младшего сержанта.

– Ещё вот что, Смирнов. Если будут подходить ещё бойцы – направляй их к нам. А вот если офицеры, то действуй следующим образом. Проверь документы – это первое. Неважно, в каком звании офицер, неважно, знаешь ты его или нет. Проверяешь документы и с сопровождающим отправляешь

ко мне. Любые попытки отдать другой приказ пресекать. Если надо – с помощью оружия. Ответственность я беру на себя.

Теперь смотри, – я достал командирское удостоверение. – Видишь, там, где скрепка, – след ржавчины? В любом подлинном удостоверении это будет так. Металл у нас такой ставят. А вот немцы – люди аккуратные. И скрепки у них следов не оставляют. Так что, если увидишь, что ржавчины нет, – действуй вот как: удостоверение верни и выдели ДВУХ бойцов. Говори, такой приказ. Никаких лишних вопросов или попыток задержания. Два бойца и ко мне. Понял?

– Так точно, понял. А что, немцы могут быть в нашей форме?

– Могут, Смирнов, могут. Есть у них такое специальное подразделение диверсантов. Набирают из «бывших» и других врагов советской власти. Говорят по-русски, как мы с тобой, а то и лучше. Всё, готовьтесь. Нам пора. Удачи.

– Спасибо, товарищ лейтенант, мы не подведём.

Я оглянулся на стоявшего в шаге Корду, махнул рукой и быстро пошёл догонять роту.

Глава 5

Я снял наушники и в бешенстве ударил кулаком в стену. Хорошо хоть не со всего маху, мог ведь и вторую руку сломать. А это уже на грани дезертирства. Глубоко вдохнул, задержал воздух и начал считать до десяти. Это меня мама научила, ещё в детстве. Как всегда, помогло. Но всё-таки, каким же надо быть долболомом, а?! Я докладываю генералу армии Тюленеву о прорыве танковой группы Клейста, а он, не слушая, что я говорю, требует отыскать и наказать «... этого паникёра». Это обо мне, нормально?!

И самое главное, ведь немцы вот-вот появятся. Ладно, ДОТы мы заняли, гарнизоны сформировали. Я послал по отделению влево и вправо, проверить, что там. На склонах у дороги окапываются два взвода. Офицеров, кроме меня, нет, так что командуют сержанты. В резерве ни одного человека. Боекомплект у бойцов всего один. Ладно, для СВТ и ручных пулемётов можно в ДОТах взять, там запас приличный, а остальные? В принципе, нужно будет перераспределить оружие так, чтобы СКС были у гарнизонов. Им в непосредственный огневой контакт с противником вступать придётся реже. Предположим, дня три-четыре мы продержимся, а потом? Обидно. И ведь как удачно начиналось!

Начальник караула и его бойцы были из прежнего гарнизона. Сержант был технарём и отвечал за работу дизелей и

прочего оборудования. Ефрейтор оказался наводчиком. Ногу он подвернул, вот и оставили. А ещё двое были подносчиками. Или подающими? Короче, из склада подавали снаряды в боевой каземат. С их помощью формировать гарнизон было легче, они-то точно знали, что и как. Благодаря этому людей по местам определили за час.

Параллельно отправили гарнизоны к пулемётным ДОТам. По десять человек в каждом. Разбираться с устройством им придётся самим: среди личного состава оказалось всего четыре человека, знакомых с пулемётом «Максим». Двое пулемётчиков пошли в составе отделений, отправленных в разведку на флангах. Вдруг ещё точки найдут? И по одному на каждый ДОТ. Вот они и будут обучать и командовать.

Телефонная связь работала отлично. Даже более того, все три занятых нами укрепления были связаны между собой. Рация тоже была в рабочем состоянии. Вот, пока бойцы осваивались на боевых постах, я и сидел за ней, пытаюсь выйти на командование. Вышел!.. Нет, я всё понимаю, выходит на связь какой-то никому не известный лейтенант и начинает говорить о прорыве. Подозрительно? Да! Но просто отмахнуться?

В проёме отсека появился сержант Белый. Вскинул руку к пилотке.

– Разрешите, товарищ лейтенант?

– Да, слушаю вас, Сергей Михайлович.

– Товарищ лейтенант, личный состав занял позиции. Кое-

где пришлось ячейки траншеями соединить, а так всё готово было. Наблюдатели от взводов выставлены. Только вот кормить людей нечем. А бойцы со вчерашнего дня не ели, так, пару сухарей да вода из фляги.

– Понятно.

Я снял трубку внутреннего телефона и вызвал технический этаж.

– Сержант Елагин? Поднимитесь наверх, дело есть.

Через три минуты мой новый зампотех вытянулся в дверях.

– Товарищ лейтенант, сержант Елагин по вашему приказанию прибыл.

– Так, сержант, дело вот какое. У нас в наличии сто двадцать бойцов. Если использовать продовольствие ДОТа, то хватит на один раз. Есть поблизости продовольственный склад или другое место, где можно продукты получить?

– Товарищ лейтенант, тут километрах в двух село. Мы там продукты брали, люди хорошие. Только нас-то всего четверо было. А сейчас больше сотни. Я и не знаю, согласятся ли.

– А склады поблизости есть? Должны же вас снабжать откуда-то.

– В Ямполе склады, товарищ лейтенант, на окраине.

– За сколько туда можно добраться?

– Полчаса. Только со складов без накладных не дадут, а где их взять?!

Я посмотрел на часы. 23.17. Да, в такое время и с наклад-

ными не слишком обрадуются. С другой стороны, кто сейчас стоит в посёлке? Вряд ли там серьёзный гарнизон. Если не ошибаюсь – вообще погранотряд. Можно попробовать.

– Сергей Михайлович, разведка вернулась?

– Так точно. Прошли вдоль реки на пять или шесть километров. Справа нашли пограничников, установили контакт. Слева никого. Но Пурциладзе говорит, что немецкие танки там не пройдут. Пороги на реке.

– Ясно. А с пограничниками кто встречался?

– Рядовой Корда, товарищ лейтенант. Он одного с собой привёл, для связи.

– Ну, товарищ сержант, что же вы молчите? Давайте их быстро сюда. Может, мы зря головы ломаем! Бегом, Сергей Михайлович, бегом!

Белых отправился наверх. Елагина я отправил обратно к дизелям, а сам остался сидеть у рации. Мало ли, вдруг решат проверить, что к чему.

Корда и пограничник появились через три минуты. С удовольствием утряслось на удивление быстро. Охрану складов нёс погранотряд, я связался с ними по внешнему телефону. Код вызова подсказал связной от погранцов. Командир отряда, которому я всё объяснил, поговорив с подчинённым, дал «добро». Продовольствием нас обеспечат. Через час придут подводы. А пока я оставил у телефонов и рации бойца и отправился проверять боевые посты.

Старшина и сержант, командиры орудий, гоняли свои но-

вые расчёты в хвост и в гриву. И если наводчики и подносчики были подготовленные, то опытный заряжающий был один, а замковые и снарядные вообще раньше к артиллерии отношения не имели. Вот командиры и занимались сколачиванием. Отозвав старшину в сторону, я попросил показать карточки огня орудий. Как-никак мне завтра управлять огнём в бою. Надо хоть ориентиры запомнить.

Карточки имелись и были в полном порядке. Указаны сектора, ориентиры, поправки и мёртвые зоны. Ух ты, даже данные для стрельбы вслепую есть. Повезло – прежний командир был классный спец. Иначе было бы ну очень сложно. Что плохо – ночь на дворе. Ориентиры буду искать, когда рассветёт, и успею ли до начала боя – один бог знает. С другой стороны, они на карточках ещё и пронумерованы. Ориентир 1, ориентир 2 и так далее. Старшина был не из этого ДОТа и подсказать ничего не мог, но работу прежнего командира тоже оценил.

Новые пулемётчики находились возле своих установок. Тут стояли не морально устаревшие «Максимы», а новые крупнокалиберные пулемёты Горюнова на казематных станках. И для них инструкторов не было вообще. Так что ребята разбирались сами. И ведь по докладу Корды уже что-то понимали. Вторые номера ловко меняли коробки с лентами, первые уверенно заряжали и наводили установки на цель. Плохо, что пострелять нельзя. Хорошо, что патронов в избытке. Общее количество на установку – 30 000 штук в

лентах. Плюс дополнительно в цинках ещё по 10 000.

Я вспомнил о ещё двух спецах по «Максимум» и приказал отправить их обоим в ДОТ слева от нас. И ещё отделение бойцов в ДОТ справа, с приказом принести несколько ящиков патронов. Для стрелков и пулемётчиков с ДП-27. Как я понял, справа у нас хоть какие-то соседи имеются, а вот слева голяк. Там лишние люди не помешают. Сам отправился в отсек с рацией. Он, кроме того, является и командным, там ведь и перископ смонтирован. Надо потренироваться в его использовании.

Подводы с продовольствием пришли вовремя. Командир отряда, спасибо ему огромное, ещё и полевую кухню к одной из них прицепил, причём уже заправленную. Так что бойцы сейчас получают горячую еду. А я сообразил наконец, что теперь у меня есть небольшой резерв. Те почти два отделения, что ходили на разведку. И сразу после приёма пищи нашёл им занятие.

Пока остальные копали или осваивали свои боевые посты, эти, можно сказать, гуляли. Шучу, конечно, но как ни крути, а работали они меньше. Вот я их и озадачил. В тылу, на обратном скате АППК вырыть и укрепить блиндаж для кухни. Авось хоть денёк, но продержится под огнём. Бойцы важность поставленной задачи уяснили, особенно после горячей каши с мясом. Так что работали быстро и чётко. А всех остальных, выставив посты и наблюдателей, отправил спать. Времени час ночи, а утром нам будет весело, это как

пить дать.

Снился Мишка. Точнее, наш с ним последний разговор. Он тогда выдал мне свою теорию нашего происхождения:

– Ты понимаешь, Кит, какое дело. Я ведь часто об этом думал, как и все мы. О том, откуда мы взялись. И почему у нас были такие странные сны. Но я ведь ещё и историк. И вот недавно я заметил одну вещь. Судя по всему, в 1940 году что-то произошло. Понимаешь, до этого страна развивалась в одном направлении – и вдруг резкий поворот. Как будто пришли новые люди и стали всё делать по-другому.

Но в том-то и дело, что в руководстве люди остались прежние. Изменения были, но постепенные. А вот политика и внутри, и внешняя, стала меняться резко. И техника вперёд прыгнула, и наука. А по геологии, помнишь, учили – за полтора года больше открытых месторождений, чем за все прошедшие после революции годы. Даже алмазы нашли, а ведь ещё в 39-м геологи утверждали, что их на нашей территории быть не может! Так вот! Я думаю, что был какой-то путешественник во времени. Кто-то, кто провалился в прошлое. И стал подкидывать информацию.

– Фантастика, но ладно, Медведь, допустим. А мы тут при чём?

– А-а-а! Вот тут, Кит, и решение. Если он попал в прошлое и изменил его, то возникает временной парадокс. История идёт по другому пути. А значит, люди, которые должны были жить, могли и не родиться. Их родители не встретились или

ещё по какой причине. Вот мы и есть часть тех самых отменённых детей. Только мы чем-то для истории важны. Поэтому и появились. Не должны были в новой временной ветке, но появились.

Меня качнуло раз, другой – и я проснулся. Рядом стоял Корда. Он теперь что-то вроде моего ординарца. Вот и тряс меня осторожно за плечо.

– Товарищ лейтенант, проснитесь. 5.00, как вы приказали. Проснитесь, товарищ лейтенант.

Я поднял руку, показывая, что проснулся, и встал. В углу на табурете стоял тазик с водой. И где только раздобыли? На втором уровне был умывальник, но спускаться туда с одной рукой было несподручно. Вот боец и расстарался. На столике рядом с рацией стояли миска и кружка. Ишь ты, и завтрак уже принёс.

– Спасибо, Владимир Семёнович. Свободен пока, можешь отдыхать.

Быстро приведя себя в подобающий вид, я накинулся на еду. Вчера как-то замотался. Да так, что есть вообще не хотелось. Зато сейчас аппетит у меня зверский. Так что кашу с мясом и чай я просто проглотил. После чего убрал миску и кружку к тазу в углу и занялся перископом. Как им пользоваться, я вычитал вчера в инструкции. Она была тут же, в отсеке. В специальной папке на отведённой для этого полочке.

Я прильнул к окуляру. Десятикратное увеличение при-

близило мост и противоположный берег. Сейчас, днём, стало понятно, что мост этот сооружён на месте паромной переправы. Конечными звеньями были бывшие причалы. Хорошо видны места, где стояли блоки канатов, а может быть, тросов. То-то вчера мне казалось, что всё сооружение под ногами слегка гуляет. Думал, это у меня от усталости и стресса галюники.

Отлично видно сержанта Смирнова и его бойцов. Если подумать, там ему делать больше нечего. Оставлю тут наблюдателя, и дело с концом. Я уже собирался дать команду, но вдруг заметил движение на краю поля. Там кто-то был. И этот кто-то очень старался остаться незамеченным.

– Рядовой Корда!

Я не отрывался от перископа.

– Товарищ лейтенант...

– Отставить. Сейчас бегом к Смирнову на тот берег. Прикажи снимать людей и вести их сюда.

Из высокой пшеницы, или что там росло в поле, вышел капитан с тремя солдатами. На плече у офицера висел автомат стволом вниз. У двух его бойцов также были автоматы, а вот третий имел СВТ со снайперским прицелом. Интересно, а чего это они там, в поле, тихарились? Если свои, конечно. А ведь могут быть и чужие. Не зря я вчера Смирнова предупредал.

– Отставить, Корда. Ну-ка глянь сюда.

Я уступил бойцу место у перископа.

– Не ваш пропавший капитан, случаем?

Корда неуклюже заглянул в окуляр.

– Так точно, он, товарищ лейтенант. А бойцов его я не знаю.

– Отлично. Значит, так! Отправляйся к Смирнову. Передай приказ снимать людей и идти сюда. О том, что мы заняли ДОТ, ни слова. И самое главное. Присматривай за капитаном и его людьми. Когда окажетесь возле окопов, их должны задержать. Проконтролируй. И Смирнова постарайся предупредить, только тихо.

– Есть, товарищ лейтенант.

Корда поправил пулемёт на плече и направился к выходу. Вот же богатырь. Каждый раз как вижу, так удивляюсь. Ведь МГ у него как карабин смотрится. Хорошо хоть ленты снимал. Железняк, блин. Я продолжал наблюдать в перископ. Капитан подошёл к ограждению у моста, ему навстречу вышел солдат. А сержант молодец, сам не пошёл. Боец, похоже, потребовал документы. Капитан начал что-то доказывать. Ага, вот теперь и Смирнов вышел. Козырнул, что-то говорит. Капитан полез в нагрудный карман.

Я видел Корду, быстрым шагом идущего к окопам охраны моста. Капитан его тоже увидел, что-то резко сказал сержанту. Тот оглянулся, увидел Корду и закрыл удостоверение. Но не возвращает, ждёт, пока подойдёт мой ординарец. Капитан выпрямился, лицо застыло. Бойцы за его спиной начали перестраиваться. Тот, что с винтовкой, стал прямо за команди-

ром, остальные чуть разошлись в стороны.

Корда подошёл, отдал честь. Похоже, просит разрешения обратиться к сержанту. Капитан расслабился, кивнул. Владимир Семёнович подошёл к Смирнову, говорит что-то. Передал мой приказ? Точно. Сержант возвращает документы капитану. Зовёт людей. Отделение построилось и идёт к мосту. Капитан со своими следом. И мой ординарец замыкающим.

Я направился к выходу. По пути вызвал Белого, обрисовал ему ситуацию. Когда Смирнов с отделением и капитан поднялись наверх и подошли к окопам, я уже стоял там. По лицу Смирнова я понял, что был прав. Засланный казачок этот капитан. Да и бойцы его тоже. Так что он попал, но об этом ещё не подозревает. А капитан решил сразу брать быка за рога.

– Лейтенант, ко мне!

Нахал. Он же меня не знает. Кто я такой, тоже понятия не имеет. Если я тут старший, то его звание значения не имеет без соответствующих приказов. Он-то должен это знать, готовили «Бранденбург» прилично. Значит, увидел, что я молодой, да ещё ранен, и решил взять на горло. А фиг тебе.

– Hauptman, geben sie die waffe ab. Und ich rate dir nicht zu zucken, du bist auf dem blickfeld von zwei dutzend meiner kämpfer¹.

¹ Гауптман, сдайте оружие. И не советую дёргаться, вы на прицеле у двух десятков моих бойцов (нем.).

Капитан закаменел, его люди тоже. Отделение Смирнова резко развернулось и направило оружие на четвёрку диверсантов. Стоящий сзади Корда сделал неслышный шаг вперёд и стволом пулемёта чуток ткнул снайпера в спину. Тот обернулся и вздрогнул. Видать, только сейчас понял, что за оружие было на плече у русского. А я сказал, уже по-русски:

– Гауптман, вам повторить приказ ещё на каком-нибудь языке?

Тот вздрогнул и начал расстёгивать кобуру. Повинуясь моему жесту, его бойцы тоже положили оружие на землю. Лицо у капитана оставалось застывшим. И пальцы двигались через силу. Он о чём-то сосредоточенно думал. Я снова перешёл на немецкий:

– Her Hauptmann, lass uns ohne dummheit auskommen².

Капитан достал наконец пистолет и бросил на землю.

– Weißt du wer ich bin? ³

Оп-па! Я что, угадал его настоящее звание? Да нет, не может быть. У него погоны капитана, и я назвал его этим званием. Так почему он в ступоре? Интересно! А он продолжал:

– Меня проверяли много раз. Документы изготовлены отличными специалистами, все реквизиты на месте. Вы не могли вычислить меня по ним.

Ах вот оно что! Теперь понятно. Ну, открывать врагу секреты мы не будем.

² Господин капитан, давайте обойдёмся без глупостей (нем.).

³ Вы знаете, кто я такой? (нем.)

– Гауптман, вы совершили несколько ошибок. Когда вы вывели разведывательный бронетранспортёр на остатки сводной группы, нужно было проконтролировать её уничтожение, а не уходить. А так бойцы вас потеряли. И заметьте, когда БТР был уничтожен, они вынесли раненых. А вас не нашли. Кроме того, тут все солдаты из одного, пусть и сводного, подразделения. Они вместе были в бою с самого начала. А тут вы, исчезнув в никуда, появляетесь спустя почти сутки и с вами незнакомые бойцы. Причём явно не проползавшие всю ночь в поле. Следов на форме нет. И какой вывод можно сделать?

Гауптман только ещё крепче сжал зубы. По моей команде диверсантов обыскали и связали. После этого я подозвал Корду и тихо поговорил с ним. Он неторопливо подошёл к капитану, вынул нож и неожиданно одним движением спорол ворот его гимнастёрки. Вытащил ворот нижней рубашки и спорол его тоже. Такую же операцию проделал и с остальными тремя. И гауптман скис окончательно.

Из командного отсека связался с пограничниками и сообщил о задержанных. За ними должны подъехать. А пока они сидели в сквознике под охраной Корды. Похоже, «истинных арийцев» пугал сам вид бойца двухметрового роста и с кулаками размером с их головы. А я вернулся к прежнему занятию – разбирался с ориентирами и пытался сообразить, как я должен управлять огнём орудий во время боя.

Всё-таки мне крупно повезло. Уж не знаю, кто был ко-

мандиrom гарнизона этого ДОТа, но бутылку я ему должен наверняка. Карточки огня были не просто подробными. По ним можно было вести огонь вообще без подготовки. Возле каждого ориентира были указаны данные наводки, так что, имея их перед глазами, можно воевать спокойно. Причём точно такие же у командиров орудий. Уф, прямо гора с плеч! Я ведь не артиллерист, хотя какую-то подготовку нам давали.

Вошедший боец доложил, что за диверсантами прибыли из отряда. Я вышел наружу. На этот раз пограничники прислали «ГАЗ-11-51». Интересная такая машина, ещё не совсем грузовик, но уже похож. В кабине сидел водитель, старшина и двое бойцов сажали задержанных в кузов, а возле борта стоял капитан. Я подошёл, представился:

– Лейтенант Дубинин.

– Капитан Воронин, командир погранотряда.

Выглядели ребята обычно, но бережёного бог бережёт, так что я попросил документы. Командир даже не удивился. Скорее наоборот, чуть кивнул, одобряя мои действия, и протянул своё удостоверение. Я быстро глянул на фотографию и дату выдачи, перелистал страницы, мельком взглянув на скрепки. Норма. Остальных тонкостей я не знал, так что протянул документ назад. И наткнулся на очень заинтересованный взгляд капитана.

– Отойдём в сторонку, лейтенант?

Мы на пару шагов отодвинулись от грузовичка. Пограничник достал коробку папирос, предложил мне. Я не курю, так

что отказался. А он вытащил папиросу и, задумчиво постукивая мундштуком по крышке коробки, рассматривал меня.

– Что-то не так, товарищ капитан?

Он ещё минуту меня рассматривал, а потом спросил:

– Про скрепки откуда знаешь?

Вот оно что. Ну да. Это в моё время об этой мелочи писали все кому не лень. Сейчас это закрытая информация. Версию я, к счастью, придумал ещё вчера, перед тем как сержанту пояснения давать – вдруг заинтересуется?

– Был свидетелем задержания такого ряженого. Нас там пятеро было. Вместе со станции добирались. На КПП обычная проверка документов, и тут – раз, и одного вяжут. А парень классный, как говорится, «свой в доску». Мы чуть в драку не полезли. Вот нам командир группы захвата и объяснил.

– Ясно. Вы и этих так вычислили?

– Так точно. А кроме того, подозрительно было: капитан этот вместе со всеми выходил. Когда на группу наскочил немецкий бронетранспортёр, началась паника, и он просто исчез. А сегодня утром вышел, да ещё с тремя никому не известными бойцами. Обмундирование неновое, но слишком уж чистое для того, кто ночь по полям ползал. Ну и скрепки как подтверждение.

– Сам задерживал?

– Никак нет. Сержанту объяснил.

– Так. Больше об этом никому ни слова. Сам понимаешь,

немцы пронюхают – станет намного сложнее работать. А сержанта давай сюда. Хочешь не хочешь, а он поедет со мной. Будем из него пограничника делать, раз уж так получилось.

– Товарищ капитан, у меня взводами сержанты командуют. Отделениями рядовые. А вы ещё одного дельного человека забираете. Я в бою что делать буду?

– Остынь, лейтенант. Выхода другого у меня нет. А до боя тебе ещё людей пришлют.

– Не успеют. Вот смотрите, товарищ капитан: наш удар под Сороками немцы отразили? Отразили. Теперь им самая дорога сюда – к переправе. Если они её захватят – бей куда захочешь. Хоть на Умань, хоть на Первомайск и Николаев, хоть на Жмеринку и Винницу. наших войск тут почти нет. Если они знают об отводе сил из УРа, то вот-вот явятся, это как пить дать! А меня комфронта в трусы и паникёры записал, так что ждать помощи не приходится.

Капитан задумался. Правда, думал недолго.

– Слушай, лейтенант, давай на «ты»? На все эти обращения время теряем. Меня зовут Сергей. Позывной для связи – Грач.

– Согласен. Никита, позывной – Кит.

Мы обменялись рукопожатием, и пограничник продолжил:

– Значит, так! Твоего сержанта я забираю. Вместо него оставляю своего старшину. Человек проверенный, надёжный. Диверсантов я попробую расколоть. Времени нет, дей-

ствовать придётся жёстко. Но если будет информация, хоть немного похожая на то, что ты предполагаешь, сам выйду на штаб фронта. Тебе тоже сообщу. Всё, разбегаемся.

Я приказал найти Смирнова. Через пару минут он стоял перед нами.

– Сержант, вы временно передаётесь в распоряжение командира погранотряда. Капитана вычислил – теперь отдувайся. Так что спасибо за службу и давай в машину.

Старшина-пограничник уже стоял рядом, мы с Ворониным ещё раз пожали друг другу руки, и он сел в кабину. Грузовичок рванул с места. А я поговорил с новым подчинённым и сделал небольшую перестановку кадров. Смирнов командовал отделением во втором взводе. Все сержанты там были примерно одного возраста и опыта. Так что бывшего взводного я поставил на отделение, а старшину – взводным.

Кашевар доложил, что завтрак готов, и бойцы, по двое от отделения, потянулись с котелками к кухне. Зайдя в командный отсек, я отпустил наблюдателя, который сидел за перископом, и сам устроился у окуляра. На противоположном берегу ничего не изменилось. В этот момент за моей спиной удивлённо хмыкнул Корда. Я оглянулся. Мой ординарец уже прибрал посуду и тазик для умывания и сейчас держал в руках толстую тетрадь в твёрдой обложке.

– Что там, Владимир Семёнович?

– Так, «боевой журнал», товарищ лейтенант. Почти как у нас во флоте.

– Ну-ка, дай сюда...

Я открыл первую страницу:

«Боевой журнал артиллерийско-пулемётного полка полка «ИС». Командир: л-т Ивар Петерс».

Теперь я знаю, кого благодарить за карточки огня. Ты, Ивар, главное, доживи до победы, а «поляна» за мной. Я быстро пролистал журнал. Коротко и чётко обо всех значимых происшествиях. Последняя запись:

«Получен приказ оставить в АППК караул из трёх солдат во главе с сержантом и следовать в Могилёв-Подольский. Принял решение оставить сержанта Елагина».

Я взял ручку и на следующей странице написал:

«Командование АППК «ИС» принял. Лейтенант Дубинин. 6.08.41».

Закрывать альбом я не успел, меня позвал Корда.

– Посмотрите, товарищ лейтенант!

Я прильнул к перископу. В первую секунду не понял, о чём говорит боец, а потом увидел. Весь горизонт затянут пылью. Не дымом, не туманом, а именно пылью. И означает это одно – к нам движется масса техники. Ногами такую пыль не поднять. Не знай я, что происходит, мог бы подумать о наших отступающих частях. Но я-то знаю, что после неудачного контрудара они отошли к югу и теперь удерживают Кишинёв.

Глава 6

Я снова пододвинул к себе «боевой журнал» и вписал:

«7.24. В пределах видимости появилось облако пыли.

Предполагаю приближение крупных танковых или моторизованных частей противника. Личный состав АППК приведён в боевую готовность».

Закрыв журнал, положил его на место и повернул пакетный выключатель на стене. Во всех помещениях ДОТа зазвенели звонки боевой тревоги. Корда побежал на внешние позиции с приказом первому и второму взводам приготовиться к бою. Я продублировал этот приказ по телефону в оба пулемётных ДОТа. С выходом на погранотряд решил подождать. Мало ли. Я не Мишка, историю досконально не учил, может, ошибаюсь?

Загудел телефон. В трубке прозвучал голос сержанта Белого:

– Товарищ лейтенант, какие будут приказания?

– Сергей Михайлович, слушай сюда! Если впереди будет разведка на мотоциклах – пропускай! Затайтесь как мыши, траншеи с дороги замаскированы прилично, могут и не заметить. Отправь вслед пару ребят с автоматами, как тут начнётся или они назад поедут – уничтожить!

– Есть!

– Действуйте. Да, старшине приказ передай, с ним теле-

фонной связи нет.

– Понял.

Я положил трубку и тут же вызвал ДЗОТ. Там сидели пятеро бойцов с одним пулемётом ДП. Приказал им мотоциклистов, если появятся, не трогать. Их дело – прикрывать обратный скат от диверсантов, десантников противника или при обходе наших позиций с тыла. Во всех случаях ставить меня в известность немедленно. Опять прильнул к окуляру. Пыль значительно приблизилась. Техники ещё не видно, но я думаю, вот-вот появится.

Снова загудел телефон. Снимая трубку, мельком подумал, что нужно вернуть Корду. Одному и на связи, и в управлении боем не успеть.

– Грач на связи.

– Здесь Кит, что нового?

– Поплыл твой гость. Всё подтвердил, срочно связываюсь с начальством. Держитесь там.

– Принял. У нас весь горизонт в пыли, похоже, скоро гости толпой заявятся. Поторопись, Грач, и своих выведи на позиции. У вас хоть и не так удобно, но тоже место подходящее. Конец связи.

– Понял. Связи конец.

Я выглянул из отсека.

– Рядового Корду ко мне.

– Здесь я, товарищ лейтенант.

– Заходи. Будешь на связи. Телефоном пользоваться ты

умеешь, а рацией?

– Смогу, товарищ лейтенант.

– Вот и отлично. Действуй.

Я опять занял место у перископа. И почти в ту же минуту из пыли выскочили мотоциклисты. Первые немцы, которых я видел вживую, хоть и через оптику. На каждом мотоцикле – три человека. Только сейчас я заметил, что, уходя от моста, Корда сдвинул проволочные заграждения к въезду, так что они перекрывали дорогу. Мотоциклисты остановились. Водители и пулемётчики остались на месте, а двое, что сидели позади водителей, спрыгнули и, насторожённо водя стволами автоматов, подошли к козлам с колючкой. С третьего мотоцикла никто не спускался: видимо, командир сидит.

Поскольку ничего не происходило, солдаты взялись за первое заграждение с двух сторон и быстро оттащили в сторону. Огляделись. Тишина по-прежнему. И уже спокойно, не торопясь, оттащили в сторону и вторую часть колючки. Весело скаля зубы, вернулись к мотоциклам, уселись, и разведка снова двинулась вперёд. А я разглядывал их лица. Хорошая штука этот ПДН-2. Название прочёл в формуляре, ещё раз спасибо Ивору.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.